

Вспоминать об этом было неприятно.

Налоги с каждым годом становились всё тяжелее, серебро утекало из рук, словно вода, как ни старайся его удержать.

Изначально он считал себя весьма искусным охотником, но теперь и ему приходилось несладко, жизнь едва теплилась.

Что уж говорить о простых людях из низов — нетрудно представить, что им живётся куда тяжелее, чем ему.

Опираясь на воспоминания из прошлой жизни и пробиваясь сквозь тяготы этого мира на протяжении целого столетия, Мэй Цзинмо понял, что времена, судя по всему, вот-вот изменятся.

Хотя этот оплот пока ещё не рухнул, в Луньюане вскоре начнётся такой переполох, что всё полетит вверх дном.

Если удастся выстоять — тогда, конечно, всё обойдётся; а если нет — настанет полный хаос, и исправить что-либо будет уже невозможно.

Ему совсем не улыбалось разделять участь Луньюаня и терпеть здесь бедствия. В конце концов, он был китайцем, выходцем с Земли, и никакой привязанности к этим местам не испытывал.

Его цель была предельно ясна — сесть на корабль и бежать за море, по крайней мере, переправить Тан Лэ, его единственного родного человека в этом мире, в безопасное место.

Однако суровая реальность неизменно вносила свои коррективы.

Чтобы сбежать, нужны деньги. Путь отсюда до ближайшего портового города Линсяо обойдётся по меньшей мере в двести лямов серебра. И хотя за удачную охоту он порой мог выручить тридцать лямов, скопить нужную сумму никак не удавалось.

Если нет денег, можно присоединиться к охранному агентству и добраться до города Линсяо под их защитой. Но для этого требовалось хоть немного обучиться боевым искусствам для самообороны. Плата за обучение в учениках была невелика — всего три ляма.

Вот только это дело долгосрочное: на то, чтобы выйти в мастера, уйдёт от силы несколько лет, а то и все десять.

Каждый год под конец приходилось отдавать боевой школе по шестьдесят лямов серебра, да

ещё по три ляма ежемесячно выкладывать за еду. К тому же в Луньюане царили порядки, основанные на человеческих связях и долге: в дни праздников и памятных дат неизменно требовалось готовить подарки и выказывать уважение наставнику.

В этом мире, что в прошлой жизни, что в нынешней, всё упиралось в проклятые деньги.

Время шло своим чередом, и от жарившегося на костре змеиного мяса начал исходить манящий аромат.

Он поднял с земли деревянную палочку и осторожно сдвинул мясо в сторону. Сдув жар, он небольшим ножом нарезал его на мелкие кусочки, а затем по одному отправил в рот.

Желудок наконец наполовину наполнился. Заметив, что время ещё раннее, Мэй Цзинмо подумал о том, чтобы добыть ещё немного дичи.

Он всегда действовал решительно и без промедления: раз решил — значит, делает. Взмахнув рукой, он легко хлопнул ладонью о землю и вмиг подпрыгнул на ноги.

После этого он зорким глазом и ловкими движениями спрятал добычу в укромном месте, известном только ему одному.

Закончив с этим, он закинул за спину лук со стрелами, уверенной поступью направился к горе, и его фигура постепенно растворилась в пышной зелени горных лесов.

Он неторопливо шагал в сторону Западной горы, как вдруг навстречу ему вышли двое детей. Ребята были очень похожи друг на друга, жилистые и крепкие, за спинами у них виднелись длинные луки, придавая обоим бравый вид. Увидев Мэй Цзинмо, они приветливо улыбнулись, сложили руки в знак приветствия и в один голос произнесли:

— Брат Мэй, рад видеть! Какими судьбами?

— И я рад. Как жизнь? — Мэй Цзинмо улыбнулся и ответил на приветствие. Этих двоих юнцов он, разумеется, прекрасно знал. Одного звали Лю Сяоху, а другого — Лю Сяолун.

Мэй Цзинмо, а если быть точным, Мэй Гань, был старым приятелем их отца, так что он буквально видел, как росли эти мальчишки.

Если память ему не изменяла, этим сорванцам, Лю Сяоху и Лю Сяолуну, сейчас было всего по семь и восемь лет. Он удивленно посмотрел на них и спросил:

— Вы это куда собрались?..

Лю Сяоху указал на длинный лук за спиной и небрежно бросил:

— На охоту.

Тот нахмурился и озадаченно спросил:

— Разве вы не должны учиться? А где ваш отец?

Лицо Лю Сяолуна мгновенно помрачнело, и он тихо ответил:

— Отца забрали правительственные солдаты на каторжные работы, нам теперь совсем не до учебы.

— На каторгу? — сердце Мэй Цзинмо упало, он прекрасно понимал, что это значит.

Лю Сяолун продолжил:

— Мы хотим подняться в горы, поохотиться, насобирать денег и выкупить отца. Он уже немолод, если ему придется тяжело трудиться на этой повинности...

Он не договорил, но Мэй Цзинмо и так понял к чему он клонит. Не пройдет и месяца, как домой вернется лишь леденящий душу труп. В конце концов, Лю Юн был младше его всего на четыре поколения, сейчас ему уже за пятьдесят — такую нагрузку он просто не выдержит.

Мэй Цзинмо глубоко сочувствовал мальчишкам, но понимал, что ничем не может им помочь — он сам нуждался в деньгах. Ему оставалось лишь мягко похлопать их по плечам и сказать:

— Тогда будьте осторожнее, берегите себя.

Обменявшись кивками, они разошлись с Мэй Цзинмо на узкой тропе. Тот невольно оглянулся, провожая взглядом удаляющиеся спины мальчишек, и на душе у него было беспокойно — он всё переживал за них.

В конце концов он резко свернул с дороги и направился к Восточной горе.

Если с этими ребятами что-то случится, он сможет приглядеть за ними. В конце концов, охотиться можно где угодно, большой разницы нет.

Восточная гора была тихой и безмятежной: окутанная клубами тумана, с покачивающимися бамбуковыми стеблями, журчанием ручьев и безмятежным щебетанием птиц в тишине леса.

Мэй Цзинмо неспешно шел среди деревьев, ступая легко и бесшумно, с пронизательным взглядом выискивая следы добычи. Легкий ветерок обдавал свежестью влажной земли и листвы, принося с собой удивительное умиротворение.

Кроме того, в воздухе витал странный, необычный запах — не сказать чтобы ароматный или зловонный, но своеобразный, заставивший его сделать пару дополнительных вдохов.

Этот запах напоминал давно полежавший тофу: сырой, с душком и еле уловимой маслянистостью. Пройдя по следу этого амбре и окинув взглядом окрестности, он заметил крупную белую березу, от которой воняло еще сильнее.

Он протянул руку и провел по стволу: кора была сплошь исковыряна и покрыта выбоинами, местами потрескалась, обнажая древесные волокна, и эти следы отчетливо выделялись в лучах солнца.

Поразмыслив немного, он решил, что это, должно быть, метка какого-то крупного зверя, только что проснувшегося после зимней спячки и вышедшего на поиски пропитания — бурого медведя, точно он!

В этот самый момент у него перед глазами всё заплыло, и вновь возникли те самые привычные строчки.

[Освоен новый навык: Охотничья интуиция.]

— Охотничья интуиция? — в сердце Мэй Цзинмо закралось легкое сомнение. В ту же секунду перед его взором внезапно предстало целое море разноцветных, парящих в воздухе светящихся облаков.

— Что это вообще такое?..

Мэй Цзинмо мысленно погрузился в раздумья. Эта картина живо напомнила ему игру от компании Rockstar под названием Red Dead Redemption, в которую он играл в прошлой жизни.

Выходит, эти светящиеся облака — не что иной, как визуальное отображение следов запаха, оставленных животными?

А на той гигантской белой березе ярким пятном выделялось целое скопление желтого сияния. Разве это не присутствие самого бурого медведя? В груди Мэй Цзинмо всколыхнулось странное волнение.

Этот навык появился как нельзя кстати. Сегодня он уже принял твердое решение: отбросив все прочие мысли, он сосредоточится исключительно на этом огромном звере.

Ему нравилось бросать вызов подобным гигантам, с которыми никто другой связываться не осмеливался.

Человеку ведь необходима доля авантюризма, иначе жизнь покажется смертельно скучной.

<http://bllate.org/book/21057/2141079>